

Екатерина Полянская

На горбатом мосту

Екатерина Владимировна Полянская
На горбатом мосту
Серия «Петроградская сторона»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8687232

*Полянская Е. На горбатом мосту: Книга стихов.: Санкт-Петербургское отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» / «Геликон Плюс»; СПб; 2014
ISBN 978-5-93682-973-4*

Аннотация

В шестую книгу известной петербургской поэтессы Екатерины Полянской наряду с новыми вошли избранные стихи из предыдущих сборников, драматические сцены в стихах «Михайловский замок» и переводы из современной польской поэзии.

Содержание

На горбатом мосту. Стихотворения	7
«Так хочется настроить эту жизнь...»	7
«В перестуке колёс всё быстрее и злей...»	9
«Они рассуждали...»	11
«Оттого, что зима совершается вовремя, мне...»	13
«Не понимая, как ведётся игра...»	14
«Господи, взгляни на наши лица...»	15
Елагин остров	16
«В ночном безмолвии двора...»	17
«В этой комнате слышно, как ночью идут поезда...»	18
«Учимся ждать...»	19
«По осени я вспоминаю ту...»	21
«К этой квартире, где прожито столько лет...»	22
«Апрельский день прочитан между строк...»	24
То, что я есть	25
«На горбатом мосту лишь асфальт да чугун...»	27
«Дождь прошёл, и асфальт запарил...»	29
«Угаснет род. Последний император...»	31
«Сон то разматывался, как пушистый клубок...»	33

Наставление сыну	35
«Я хочу купить розу...»	36
«Под конец ленинградской зимы ты выходишь во двор...»	37
«У меня в кармане правом...»	38
«Не печалься, душа. Среди русских воспетых полей...»	39
«Смерть в окно постучится однажды...»	40
Идиллический сон	42
«Всё спокойней, ровнее и тише...»	43
Котёнок	45
«А у неё проточина на лбу...»	46
«На Северном рынке снег нынче почти что растаял...»	47
«Из многих пёстрых видеосюжетов...»	48
Мариенбург	50
1	50
2	50
3	51
«Охлюпкой, стараясь не ёрзать...»	53
«Рыжая псина с пушистым хвостом...»	55
Трёхстрочия	56
«Я, скорее всего, просто-напросто недоустала...»	58
Троллейбус	59
«Когда сквозь дым и суету...»	60

«Воздух густ и влажно-фиолетов...»	62
«Князь-Владимира сын Позвизд...»	63
Порхов	64
«Когда зацветёт «декабрист»...»	66
«Звучат шаги размеренно и чётко...»	67
«Чай с вишнёвым вареньем – о Господи, счастье какое...»	68
Гренадёрский мост	69
«Меж домами пространство сгущается, словно смола...»	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Екатерина Полянская

На горбатом мосту.

Книга стихов

© Полянская Е., текст, 2014.

© «Геликон Плюс», макет, 2014.

На горбатом мосту. Стихотворения

«Так хочется настроить эту жизнь...»

Так хочется настроить эту жизнь.
Она же – ускользает, не даётся.
Всё что-то в ней болит, мерцает, бьётся,
Мелькают лица, даты, этажи.

Всё слышится то пение, то плач,
То резкий смех, то электрички дальней
Тревожный свист... Всё яростней скрипач,
А голоса – всё выше и хрустальней.

Вот – зимний лес, и синяя лыжня
С разгону огибает куст ольховый.
И куст тихонько кружится, звеня
Смолистыми серёжками... И снова —

Летят огни, грохочет переезд,
Но с каждым днём всё резче и свободней
Тень фонаря, похожая на крест,
Качается у самой подворотни.

Звучат единой музыкой шаги,

И лязг замка, и звяканье цепочки,
И шум дождя, и голоса пурги,
И выдох раскрывающейся почки.

И всё вокруг меняется, спешит,
Смысл обретая в каждой переменной,
Где звук со светом неразрывно сшит.
И дирижёр слепой и вдохновенный,

Из темноты прорвавшись ледяной,
Парит над партитурой раскалённой,
И каждый миг гармонией иной
Взрывается оркестр ошеломлённый.

«В перестуке колёс всё быстрее и злей...»

*Noli tangere cyrkulus meos!*¹

Архимед

В перестуке колёс всё быстрее и злей —
Никого не вини, ни о чём не жалея,
Ни о чём не жалея, никого не вини...
А навстречу, как жизни чужие, — огни.

А навстречу горстями мгновений — кусты,
Полустанки, заборы, сараи, кресты.
Это — деревья стон, это — скрип колеса...
Ах, прожить бы ещё полчаса, полчаса!

Ах, прожить бы ещё!.. Головою тряхни —
Ни о чём не жалея, никого не вини.
Слышишь? — в ровном дыхании русских полей:
Никого не вини, ни о чём не жалея.

Это — сердце, сжимающееся во мгле,
Это — рюмка с отравой на грязном столе,
Это — в кранах бормочет слепая вода,
Это — по коридору шаги в никуда.

¹ Не трогай мои чертежи (*лат.*).

Это – времени бешеные виражи,
Это – «Бей, но не трогай мои чертежи!»,
Это лезвие ночи проводит черту
Сквозь ноябрьскую зябнущую наготу.

Так присвистни, потуже ремень затяни,
И судьбу, словно глупую птицу, спугни.
И под крики «Распни!», и под крики «Налей!»
Никого не вини, ни о чём не жалей.

«Они рассуждали...»

Они рассуждали:

хитрый – о честности,

трусливый – о мужестве,

бездарный – о вдохновении.

А равнодушный так говорил о любви,
что аж заходило сердце.

Они призывали:

благополучный – к терпению,

злой – к милосердию,

к щедрости – жадный.

Ну а бездельник так пел славу труду,
что прямо руки чесались.

Они упрекали:

лжецы – в недоверии,

любопытные – в сдержанности,

эгоист – в неготовности к жертве.

А безбожник – тот просто разил наповал
цитатами из Писания.

И вот, постарев,

поседев в безнадежной борьбе с энтропией,

устан от привычной сансары,

я вспомнила вдруг, что в учебнике —

обычном учебнике

военно —

полевой хирургии —

сказано чётко:

«Спеши не к тому, кто кричит, —

к тому, кто молчит».

«Оттого, что зима совершается вовремя, мне...»

Оттого что зима совершается вовремя, мне
Как-то легче на сердце и даже немного теплее.
Сокровеннейший жар затаился в её белизне,
Как бездымный огонь в глубине оснежённой аллеи.

Оттого что над городом кружится медленный снег,
Истончённая явь всё прозрачней и призрачней снится,
И глядит высота из-под низко опущенных век,
Чуть заметным штрихом изменяя привычные лица.

Это время земное проходит волна за волной,
Кроме явного смысла исполнено смысла иного,
Повествуя о жизни иной и о смерти иной,
По-иному звучать заставляя обычное слово.

«Не понимая, как ведётся игра...»

Не понимая, как ведётся игра,
Путаясь, выламываясь за пределы,
Я исчезаю. Ты говоришь: «Хандра!»
Ты, вероятно, прав... Но не в этом дело.

Если ж не в этом, то чёрт его знает – в чём:
То ли входная дверь прогремела цепью,
То ли стена оскалилась кирпичом,
То ли сквозняк вздохнул и запахло степью —

Кожею сыромятной, сухой травой,
Горьким дымом, конским тревожным потом, —
То ли время дрогнуло тетивой,
То ли птенец вскрикнул перед полётом.

И за этим птичьим «была – не была!»,
За едва-едва ощутимой дрожью
Времени или треснувшего стекла
Каждый раз оживает одно и то же:

Близко и так мучительно далеко
(Вот оно, вот оно вьётся в пыли дорожной)
Неуловимое то, с чем идти легко,
С чем оставаться здесь никак невозможно.

«Господи, взгляни на наши лица...»

Господи, взгляни на наши лица —
Ты сияешь славой в звёздном стане,
Господи, мы – птицы, только птицы,
Жизни еле слышное дыханье.

Наша плоть под солнцем истончилась,
Выветрились слёзы и улыбки,
Нашу тонкокость, легкокрылость
Лишь в полёте держит воздух зыбкий.

Господи, ну что ещё мы можем?
Только петь. Не помня о законе,
Петь одну любовь... И всё же, всё же —
Не сжимай в кулак своей ладони!

Елагин остров

На ботиночках шнуровка
Высока, остры коньки.
День – что яркая обновка,
И румяная торговка
Прославляет пирожки.

Вензелей переплетенье,
Жаркий пот, скользящий бег...
И – дворцовые ступени,
Львов чугунное терпенье,
В чёрных гривах – белый снег.

Всё расплывчатей и шире
Круг от прожитого дня.
На часах всё ниже гири,
Может быть, и правда – в мире
Нет и не было меня?

Только лёд прозрачно-ломкий,
Только взмахи детских рук,
Ивы у прибрежной кромки,
Звон коньков да сердца громкий,
Заполотно-частый стук.

«В ночном безмолвии двора...»

В ночном безмолвии двора
И в торопливости прохожих,
В неумолимости оград
Мне будет чудиться всё то же —

Воспоминаний душный мех,
Больного сердца перебои
Да из окна чуть слышный смех
Несбывшегося – надо мною.

«В этой комнате слышно, как ночью идут поезда...»

В этой комнате слышно, как ночью идут поезда
Где-то там глубоко под землёй, в бесконечном тоннеле...
Пережить бы ноябрь! Если Бог нас не выдаст, тогда
Не учует свинья и, глядишь, не сожрёт в самом деле.

Пережить бы ноябрь – чехарду приснопамятных дат,
Эти бурые листья со штемпелем на обороте,
Этот хриплый смешок, этот горло царапнувший взгляд,
Этот мертвенный отсвет в чернеющих окнах напротив.

Пережить бы ноябрь. Увидать сквозь сырую пургу
На январском листе птичьих лапок неровные строчки,
Лиловатые тени на мартовском сизом снегу,
Послабленье режима и всех приговоров отсрочки.

Пережить бы ноябрь... Ночь ерошит воронье перо,
Задувает под рёбра, где сердце стучит еле-еле.
И дрожит абажур. Это призрачный поезд метро,
Глухо лязгнув на стыках, промчался к неведомой цели.

«Учимся ждать...»

Учимся ждать,
всю жизнь мы учимся ждать.

Ждём
рук материнских,
тёплой молочной груди,
ну хотя бы – пустышки.

Ждём
окончания «тихого часа»,
урока, четверти, школы,
рабочего долгого дня.

Ждём
улыбки, звонка,
письма,
невозможного счастья.

Ждём
маршрутку, автобус, трамвай,
ждём, когда вырастут дети.

Ждём
аванса, полочки,
отпуска, выходных,
вполне заслуженной пенсии,
какой-нибудь передышки.

Ждём
в очередях
за карточками, за талонами,

ждём в коридорах —
у кабинета врача,
у начальственной двери.

Ждём
холодов, листопада,
первого снега,
первой травинки.

Ждём
постоянно,
с надеждой ждём и безнадежно,
с нетерпением и терпеливо,
ждём, стиснув зубы,
затаив дыхание —
ждём.

Учимся ждать.

Когда ж наконец мы дождёмся,
и ангел дежурный,
в неизвестность дверь приоткрыв,
вызовет: «Следующий!» —

только тогда
облегчённо
выдохнет каждый из нас:
«Вот он я, Господи!
Кажется, я научился!..»

«По осени я вспоминаю ту...»

По осени я вспоминаю ту
Классическую стрекозу из басни
И думаю: чем строже, тем напрасней
Мораль извечно судит красоту.

Пропела – ну какая в том беда? —
Коротенькое праздничное лето...
Как хорошо! Хоть кто-то в мире этом
Не ведал безысходности труда.

В минуту вдохновения её
Создал Господь из воздуха и света
И отпустил. И не спросил совета
У скучных и жестоких муравьёв.

«К этой квартире, где прожито столько лет...»

К этой квартире, где прожито столько лет,
Так что можно вполне сойти за домового,
Где с чужой памятью собственный смешан бред,
Я подхожу и войти не решаюсь снова.

Там не укроешься: жизнь состоит из прорех
И по краям – густых отпечатков пальцев...
Лучше не думать, помнят ли вещи всех
Бывших хозяев, а точнее – постояльцев.

Тех, кто на пианино этом играл,
Мыл, убирал, тонко раскатывал тесто,
Думал, страдал, болел, потом – умирал,
Освобождая другим квартирантам место.

Что меня ждёт за дверью? Каким ещё
Дышащим зеркалам во мне предстоит разбиться?
Кто и за что сегодня предъявит счёт
И предложит с процентами расплатиться?

Прежде чем тяжестью лягут в ладонь ключи,
Сердце наполнив мерцающею тревогой,
Прежде чем этому сердцу сказать: «Молчи!» —

Надо ещё постоять, подождать немного.

Надо собраться с силами, перекурить,
Сжаться до точки, внутри себя бесконечной,
Чтобы потом решительно дверь отворить
И спокойно шагнуть темноте навстречу.

«Апрельский день прочитан между строк...»

Апрельский день прочитан между строк.
В облупленной стене несвежей раной
Темнеют кирпичи. И водосток,
Вообразив себя трубой органной,

Прокашлялся и загудел. Под ним
На тротуаре – трещинок сплетенье,
И прошлогодний лист, весной гоним,
Плывет в небытие прозрачной тени.

И снова мир течёт сквозь решето
Фантазии, сквозь близорукость взгляда,
И мне не выразить словами то,
Что вновь его спасает от распада.

То, что я есть

То, что я есть, заставит меня быть.
В. Шекспир

То, что я есть, – в ночи крадущийся тать,
Карточный шулер с драными рукавами.
То, что я есть, заставляет меня хохотать,
Петь, исходить рифмованными словами.

То, что я есть, колпаком дурацким звеня,
Пляшет на самом краю карниза.
То, что я есть, шкуру сдирает с меня
И уверяет, что это – закон стриптиза.

То, что я есть, славу любви трубя,
Яростно шепчет через барьер столетья:
Знаешь, я никогда не любила тебя.
Больше того – никогда не жила на свете.

То, что я есть, всем и всему назло
Строит в ночи мосты, а с утра – взрывает.
То, что я есть, заставляет вращаться в седло
Именно когда из него выбивают.

То, что я есть, словно летучая мышь,
Криком своим пробивая в пространстве дыры,

Слепо летит и слушает эхо. Лишь
Эхо – свидетель существования мира.

То, что я есть, желая себя разбить,
Мечется нелепо и неосторожно.
То, что я есть, – меня заставляет быть,
И тут изменить уже ничего невозможно.

«На горбатом мосту лишь асфальт да чугун...»

На горбатом мосту лишь асфальт да чугун,
Над мостом – проводов непонятный колтун.
Под горбатым мостом – всё бетон да гранит.
Воздух, скрученный эхом, гудит и звенит.

Только нежить-шишига² живёт – не живёт,
Чешет тощею лапкой мохнатый живот,
Утирает слезинку облезлым хвостом —
Под горбатым мостом, под горбатым мостом.

Будь ты крут и удачлив, а всё ж без креста
Не ходи лунной полночью мимо моста:
Скрипнет ветка сухая, вздохнут камыши,
В голове зазвучит: «Эй, мужик, попляши!»

И погаснет фонарь у тебя на пути,
И не сможешь стоять, и не сможешь уйти...
Тихо щёлкнут костяшки невидимых счёт —
И закружит прозрачных теней хоровод.

И пойдёшь ты плясать, сам не ведая где...

² Шишига – болотная нечисть (фольклор).

Всплеск – и только круги побегут по воде.
И ещё раз чуть слышно вздохнут камыши,
Вновь – бетон да гранит, и вокруг – ни души.

«Дождь прошёл, и асфальт запарил...»

Дождь прошёл, и асфальт запарил,
И сиреневым выдохом влажным
Сквозь чугунные листья перил,
Над неубранным сором бумажным

Через узкий оконный проём
Потянуло свежо и тревожно,
И невидимое остриё
Прикоснулось к душе осторожной.

И кольнуло печалью иной,
Из иного, далёкого лета,
Где незримым крылом за спиной
Чуть колыхнется воздух нагретый.

Где неистовая синева
С тополиной размешана вьюгой
И шальные, хмельные слова
На лету обгоняют друг друга,

Где сирень (ах, какая сирень!),
Словно облак душистый, клубится...
И трепещет лиловая тень

На невспаханном поле страницы.

«Угаснет род. Последний император...»

Угаснет род. Последний император
Бездетен. И ему уже давно
Аукнулись все безрассудства, траты,
Победы, пораженья. Всё равно
Ему теперь – а что же дальше будет
С империей, с законом. Что закон?
Он понимает, что его забудут
Ещё во время пышных похорон.
Сквозь штукатурку дней едва сочтётся
За каплей капля – память. И порой
К дождю ужасно ноет поясница,
И мучают не раны – геморрой.
Все говорят, что он в маразме. Право,
Ему ведь безразлично, кто ему
Наследует и по какому праву...
Да, он, конечно, болен. Потому
Привычные дворцовые интриги
Плетутся, не беря его в расчёт,
И на столе пылятся свитки, книги,
Которые он в руки не берёт.
О чём он думает на самом деле?
Ведь боги ждут его... Однако же
Сомнительно, чтоб думал он о теле,

И мало вероятно – о душе.
А я – о чём? Чего мне не хватало,
Когда писался этот самый стих?
Как будто мне и правда было мало
Своих забот и горестей своих?
Но кажется – отыгранная пьеса,
Откланялись актёры в свой черёд...
А приглядишься – времени завеса
Колышется и действие – идёт.

«Сон то разматывался, как пушистый клубок...»

Сон то разматывался, как пушистый клубок,
То распускался вербою по весне,
Сон мой был светел и так по-детски глубок,
Солнечный зайчик играл в его глубине.

Вдруг в него попытался кто-то войти,
Кто-то стучался, просил отворить скорей,
И убеждал, и умолял: «Пусти!» —
И задыхался возле самых дверей.

«Ах, неужели снова не отдохнуть!
Господи, я работала целый день...»
Впрочем, мне даже пальцем не шевельнуть —
Так глубока и так сладка моя лень.

Но чей-то голос, чей-то протяжный стон,
Перетекал в ещё не рождённый стих —
Кто-то ломился всем существом в мой сон,
Звал и хрипел и наконец затих.

Утром неясная боль сжимает виски,
Тёмной мутью поднявшись с ночного дна:
Кто-то не вынес холода и тоски,

Кто-то погиб на пороге чудного сна.

И ещё неосознанная вина

Цепляется, по краю души скользя,

И чья-то тень замерла на пороге сна —

И с этим поделаться уже ничего нельзя.

Наставление сыну

Не копи барахла. Ты немного удержишь в руке.
От погони к тому же вернее уйдёшь налегке.
И запомни ещё то, что я повторяла не раз:
Ни одна из вещей никогда не заплачет о нас.

Одевайся лишь в чистое – мы ведь не знаем с тобой,
И не знает никто, когда примет последний свой бой.
В Бога веруй и кланяйся только Ему одному.
У людей не проси. Подрастёшь – сам поймёшь почему.

Если надо – дерись до конца. Но лежачих не бей.
Уважай всех крылатых – ворон, воробьёв, голубей.
И зверей уважай – помни, что и у них есть душа,
И всегда за душой – что у них, что у нас – ни гроша.

И ещё: если сможешь, стихом никогда не греси —
Всё в бумагу уходит. Очнёшься, вокруг – ни души.
Лучше просто живи, не жалея ни сил, ни огня...
По родительским дням поминай, если вспомнишь, —
меня.

«Я хочу купить розу...»

Я хочу купить розу.
Хочу купить розу,
Как будто желаю дать шанс
Больному рабу —
Просто шанс умереть на свободе.
Хочу купить розу,
Но каждый раз что-то не так:
Не то что нет денег,
Не то чтоб последние деньги,
Но просто есть множество
Необходимых вещей.
Так много вещей.
И снова цветок остаётся
У смуглых лукавых торговцев
За пыльным стеклом.
А я ухожу,
Продвигаясь всё дальше и дальше
В то время, когда
Я и впрямь на последние деньги
Куплю себе розу.

«Под конец ленинградской зимы ты выходишь во двор...»

Под конец ленинградской зимы ты выходишь во двор,
И, мучительно щурясь, как если бы выпал из ночи,
Понимаешь, что жив, незатейливо жив до сих пор.
То ли в списках забыт, то ли просто – на время отсрочен.

Сунув руки в карманы, по серому насту идёшь —
Обострившийся слух выделяет из общего хора
Ломкий хруст ледяной, шорох мусора, птичий галдёж,
Еле слышный обрывок старушечьего разговора:

«...мужикам хорошо: поживут, поживут и – помрут.
Ни забот, ни хлопот... Ты ж – измаешься в старости
длинной,
Всё терпи да терпи...» – и сырой городской неуют
На осевшем снегу размывает сутулые спины.

Бормоча, что весь мир, как квартира, – то тесен, то пуст,
Подворотней бредёшь за кирпичные стены колодца,
И навстречу тебе влажно дышит очнувшийся куст,
Воробы гомонят, и высокое небо смеётся.

«У меня в кармане правом...»

У меня в кармане правом
Полновесные каштаны —
Шелковистые, тугие,
В шоколадной коже.

У меня в кармане левом
Желудей тяжёлых россыпь —
Золотистых и округлых,
Смуглым солнцем налитых.

Погружаю в них ладони,
Щедро черпаю горстями
И, подбрасывая к небу,
Рассыпаю по земле.

Вот оно – моё богатство,
Плоть моя, моё дыханье,
Тихий смех, неугасимый
Отсвет вечности во мне.

«Не печалься, душа. Среди русских воспетых полей...»

Не печалься, душа. Среди русских воспетых полей
И чухонских болот, пустырей обречённого града
Ничего не страшись. О сиротстве своём не жалей.
Ни о чём не жалей. Ни пощады не жди, ни награды.

Нас никто не обязан любить. Нам никто ничего
В холодеющем мире, конечно, не должен. И всё же
Не печалься, душа. Не сбивайся с пути своего,
Беспокойным огнём ледяную пустыню тревожа,

Согревая пространство собою всему вопреки,
Предпочтя бесконечность свободы – законам и срокам,
На крыло поднимаясь над гладью последней реки,
Раскаляясь любовью в полёте слепом и высоком.

«Смерть в окно постучится однажды...»

Смерть в окно постучится однажды
Лунной ночью иль пасмурным днём,
И к плечу прикоснётся, и скажет:
«Ты довольно грешила. Пойдём».

И в полёте уже равнодушно
Я взгляну с ледяной высоты
И увижу, как площади кружат
И вздымаются к небу мосты.

За лесами потянутся степи,
Замелькают квадраты полей,
Но ничто не кольнёт, не зацепит
И души не коснётся моей.

Лишь пронзительно и сиротливо
Над какой-нибудь тихой рекой
Свистнет ветер и старая ива
Покачает корявой рукой.

Камышами поклонится берег,
И подёрнется рябью вода,
И тогда я, пожалуй, поверю,

Что прощаюсь и впрямь – навсегда.

И, быть может, на миг затоскую,
Увидав далеко-далеко
На земле возле стога – гнедую
Со своим золотым стригунком.

И рванусь, и заплачу бесслёзно,
И беспаятству смерти назло
Понесу к холодеющим звёздам
Вечной боли живое тепло.

Идиллический сон

Мне приснилась жизнь совсем иная,
Так приснилась, будто наяву:
Лошади вздыхают, окуная
Морды в серебристую траву.

До краёв наполнив звёздный улей,
Светлый мёд стекает с тёмных грив.
На земле табунчики уснули,
Сёдла под затылки подложив.

Светлый пот блестит на тёмных лицах,
На остывших углях костерка,
Склеивает сонные ресницы
И былинки около виска.

Спят они, пока вздыхают кони,
Вздрагивая чуткою спиной.
И полны ещё мои ладони
Горьковатой свежести ночной.

Спят, пока обратно не качнётся
Маятник мгновенья и пока
Хрупкого покоя не коснётся
Снов моих невнятная тоска.

«Всё спокойней, ровнее и тише...»

*Подари мне ещё десять лет,
Десять лет,
Да в степи,
Да в седле.*
В. Соснора. «Обращение»

Всё спокойней, ровнее и тише
Дышит полдень, и, солнцем прошит,
Сизоватый бурьян Прииртышья
Под копытами сухо шуршит.

А каких я кровей – так ли важно
Раскалённой степной синеве...
Голос резок, а песня – протяжна,
И кузнечик стрекочет в траве.

Ни друзей, ни далёкого дома —
Только стрекот, да шорох, да зной.
Без дорог за черту окоёма
Седока унесёт вороной.

Бросить повод, и руки раскинуть,
И лететь, и лететь в никуда —
Затеряться, без имени сгинуть,
Чтоб – ни эха и чтоб – ни следа.

Вот я, Господи, – малая точка
На возлюбленной горькой земле,
И дана мне всего лишь отсрочка —
Десять жизней – в степи и в седле.

Котёнок

Он распугал всех кур, пусть неумело,
А всё же – прыгнув из-за лопуха.
Он маленький, но он ужасно смелый,
И он идёт – один – на петуха.

А тот разинул клюв и в удивленье
Застыл на миг от наглости такой.
Короче, храбреца спасло мгновенье.
А может быть, судьба моей рукой

Похитила у смерти неминучей...
И вовремя: вздымая прах и пух,
Нас до крыльца, подобно пыльной туче,
Преследовал разгневанный петух.

Котёнок выжил в этом переплёте,
Но вскоре сгинул где-то ни за грош.
Всего-то лишь – комочек тёплой плоти.
Зачем он был? И разве разберёшь

Его узор в сплошном переплетеньи
Рождений и смертей? И мне в ответ
Младенчески смеётся день весенний,
Сияя и расплёскивая свет.

«А у неё проточина на лбу...»

А у неё проточина на лбу
Такая белая и чёлка – золотая,
Я в поводу веду её в табун,
Под сапогами чавкает густая,
Как тесто, глина. Где-то в стороне
Урчит сердито трактор. И усталость
К её хребтистой старческой спине
Присохла, словно струп. А мне осталось
Уздечку снять, по шее потреть
И постоять ещё минуту рядом,
В кармане корку хлеба отыскать
И протянуть ей. И окинуть взглядом
Больные ноги, вислую губу,
И тощих рёбер выпуклые строки,
И белую проточину на лбу,
И под глазами мутные потёки.
И на мгновение увидеть в ней,
В глубинах ускользяще-бездонных
Священное безумие коней,
Разбивших колесницу Фаятона.

«На Северном рынке снег нынче почти что растаял...»

На Северном рынке снег нынче почти что растаял,
А воздух от запахов густ и как будто бы сжат...
Две псины остались от всей уничтоженной стаи
И серыми шапками около входа лежат.

Свернулись в два грязных клубка неподвижно и молча,
За ними ларьки кособоко равняются в ряд.
Всего-то две псины. Но как-то уж очень по-волчьи
Они исподлобья на мимоидущих глядят.

Ну как им расскажешь, что люди не слишком жестоки,
Хотя и богами считать их, увы, ни к чему —
Не нами расчислены наши короткие сроки,
И всех нас когда-нибудь выловят по одному.

Над нами судьба по-вороньи заходит кругами,
Вот – рухнет в пике и добычи своей не отдаст...
Собаки молчат.
Под ботинками и сапогами
Тихонько хрустит обречённо подтаявший наст.

«Из многих пёстрых видеосюжетов...»

Из многих пёстрых видеосюжетов,
Которыми нас кормит телевизор,
Засел осколком в памяти один,
Где люди в серой милицейской форме
Бездомную собаку расстреляли
У мусорного бака во дворе.
Она сначала всё хвостом виляла
И взвизгнула, когда раздался выстрел,
Ей лапу перебивший. А потом
Всё поняла и поднялась. И молча
Стояла и смотрела неотрывно
На тех или сквозь тех, кто убивал.
Я видела, как люди умирают,
Я зло довольно часто причиняла,
И мне ответно причиняли боль.
Я знаю точно: каждую минуту,
Когда мы пьём, едим, смеёмся, плачем
По пустякам, когда, закрыв глаза,
В объятиях любимых замираем,
Обильнейшую жатву собирают
Страдания и смерть по всей земле.
Конечно же, бездомная собака,
Расстрелянная где-то на помойке,

Не более чем капля. Но и всё ж...
Собаки умирают нынче стоя,
А люди, потеряв свой прежний облик,
Иное обретают естество,
Столь чуждое и страшное, что разум
Смущается и сердце замирает,
Пытаясь в бездну правды заглянуть.

Мариенбург

1

Сквозь едкий дым дешёвых сигарет,
Сквозь крохотное спичечное пламя
Недолгой памяти ещё глядит мне вслед
Скупыми стационарными огнями
Мариенбург. И снова я лечу,
Прижавшись низко к шее лошадиной,
Дорожкой парка бесконечно длинной,
И веточки стегают по плечу.
Из поселковой церкви, с привокзальной
Пустынной улочки, вечерний тихий звон
Плывёт и замирает, будто стон —
Не то призывный стон, не то – прощальный.
И голубь у дороги сиротливо
Воркует всё: «... умру... умру... умру...»
И треплются нечёсанные гривы
На душу выдувающим ветру.

2

Мне уже никогда не вернуться туда,
Где в глубоких прудах остывает вода,
Словно времени тёмный и терпкий настой,
Горьковато-полынный, недвижно-густой,

Где в закатных окошках мутнеет слюда,
Где, качаясь на лапах еловых, звезда
Подлетает всё выше и месяц над ней
С каждым взмахом всё тоньше и словно ясней.

И в траве разогретой, глубокой, как сон,
Мне уже не услышать сквозь стрекот и звон,
Сквозь плывущий под веками медленный зной,
Как шуршат облака – высоко надо мной.

Никогда – это веточки сломанной хруст,
На иных берегах расцветающий куст,
Это голос, летящий сквозь мёртвую тишь,
Долгим эхом становится. И только лишь,

Задержавшись над лугом, дыханье моё
Всё колышет былинки сухой острей,
Да ещё отраженья на глади пруда
Смотрят в синюю бездну чужих «никогда».

В краю далёком, в городе Марии
Душа осталась пленною навек.
Озябший парк и улицы пустые
Заносит снег, заносит первый снег.

Там стук копыт и глухо, и тревожно
Трёхтактным ритмом разбивает тишь
И сонные деревья осторожно
Нашёптывают: «Стой... Куда спешишь?..»

А небо отчуждённо и высоко,
И хрупкий лист ложится в снежный прах.
И скачут кони далеко-далёко,
И ветер сушит слёзы на глазах.

«Охлюпкой, стараясь не ёрзать...»

Охлюпкой, стараясь не ёрзать
По слишком костистой спине,
Я в Богом забытую Торзать
Въезжаю на рыжем коне.

Деревня глухая, бухая,
Вблизи бывшей зоны. И тут
Потомки былых вертухаев
Да зэков потомки живут.

В пылище копаются куры,
Глядит из канавы свинья:
Что взять с городской этой дуры?
А дура, понятно же, – я.

А дура трусит за деревню
Туда, где и впрямь до небес
Поднялся торжественно-древний,
Никем не измеренный лес.

Где пахнет созревшей хвоей,
Где тени баюкают взгляд,
И столько же ровно покоя,
Как десять столетий назад.

Где я ни копейки не значу,
А время, как ствол под пилой,
Сочится горючей, горячей
Прозрачной еловой смолой.

«Рыжая псина с пушистым хвостом...»

Рыжая псина с пушистым хвостом
Дремлет в тенёчке под пыльным кустом
И, полусонная, в жарком паху
Ловит и клацает злую блоху.

Рядом, приняв озабоченный вид,
Вслед за голубкой своей семенит
Самый влюблённый из всех голубей...
На воробья налетел воробей —

Бьются взъерошенные драчуны,
Не замечая, что к ним вдоль стены
Тихо крадётся, почти что ползёт
Весь напряжённый, пружинистый кот.

Как хорошо, что они ещё есть
В мире, где горестей не перечеть,
В мире, дрожащем у самой черты, —
Голуби, псы, воробьи и коты.

Трёхстрочия

* * *

купила проездной —
нет, не дождусь
счастливого билета.

* * *

утром в небо взглянула,
а там – пустота:
ласточки улетели.

* * *

после грозы
капли дрожат на ветвях —
тихо смеются деревья.

* * *

тёмная влага на сучьях
подстриженной липы —
дерево плачет безмолвно.

* * *

сломанной ветке
вновь зеленеть по весне,
но на иных берегах.

«Я, скорее всего, просто- напросто недоустала...»

Я скорее всего просто-напросто недоустала
Для того, чтобы рухнуть без рифм и без мыслей в
кровать.

Что ж, сиди и следи, как полуночи тонкое жало
Слепо шарит в груди и не может до сердца достать.

Как в пугливой тиши, набухая, срываются звуки —
Это просто за стенкой стучит водяной метроном.
Как пульсирует свет ночника от густеющей муки,
Как струится сквозняк, как беснуется снег за окном.

То ли это пурга, то ли – полузабытые числа
Бьются в тёмную память, как снежные хлопья – в стекло.
Жизнь тяжёлою каплей на кухонном кране зависла
И не может упасть, притяженью земному назло.

Троллейбус

Неизвестным безумцем когда-то
Прямо к низкому небу пришит,
Он плывёт – неуклюжий, рогатый —
И железным нутром дребезжит.

Он плывёт и вздыхает так грустно,
И дверьми так надсадно скрипит,
А в салоне просторно и пусто,
И водитель как будто бы спит.

И кондуктор слегка пьяноватый
На сиденье потёртом умолк.
Ни с кого не взимается плата,
И на кассе ржавеет замок.

Он плывёт в бесконечности зыбкой,
В безымянном маршрутном кольце
С глуповато-наивной улыбкой
На глазастом и плоском лице.

И плывут в городском междустрочье
Сквозь кирпично-асфальтовый бред
Парусов истрепавшихся ключья
И над мачтами призрачный свет.

«Когда сквозь дым и суету...»

Когда сквозь дым и суету,
Сквозь запах шашлыка и пива
Размытым берегом залива
Я безнадёжно побреду

По серому песку,
Тогда
В случайном и нестройном хоре
Я вдруг услышу голос моря —
Непостижимый, как всегда.

Прорежет воздух птичий крик,
И ветер, чешущий осоку,
Очнётся и взлетит высоко.
И запоёт иной тростник.

Иной —
о яростных мечтах,
О чёрных кораблях смолёных,
Мечах, от жажды раскалённых
И медноблещущих щитах.

О том, как, разбиваясь вдрызг
И возрождаясь без потери,
Иные волны хлещут берег

Осколками счастливых брызг.

«Воздух густ и влажно-фиолетов...»

Воздух густ и влажно-фиолетов.
Как во сне, замедленно летишь
Сквозь него, сквозь питерское лето:
Грозы – днём, а вечерами – тишь.

Чуть слышны шагов глухие всхлипы,
Да ещё, влюблённым на беду,
Страстью и тревогой дышат липы
В обморочно замершем саду.

«Князь-Владимира сын Позвизд...»

Князь-Владимира сын Позвизд —
Звёздный морок, стрелы посвист.
Потревоженное моими —
Столь чужими – губами имя
Дрогнет дудочкой тростниковой,
Резко звякнет в ночи подковой,
Разъярится в разбеге вьюжном,
Вспыхнет на рукаве кольчужном,
Чиркнет ласточкой острокрылой —
Будто знала я, да забыла.
Будто время от боли сжалось,
Будто жизни на вскрик осталось...
И – потухнет, замрёт... Позвизд —
Звёздный морок, стрелы посвист.

Порхов

Медленно тающий
Зыбким своим отражением
В тихой реке,
Чьё забытое имя – как вздох,

Город, похожий на
Воспоминанье о городе —
Шорох дождя,
Полыхающая бузина.

Зябкая, хрупкая
Бабушка с детской улыбкою
Кротко вздохнёт,
Отпирая тяжёлую дверь

В царство безмолвное
Старых афиш, фотокарточек,
Тёмных икон,
Утюгов, самоваров, монет.

Тихие заводы,
Странные омуты времени,
Тонкая связь
Неисчисленных координат.

Морщится гладь,
И дробится моё отражение
Прежде, чем я
Успеваю его разглядеть.

«Когда зацветёт «декабрист»...»

Когда зацветёт «декабрист»,
И шторы раздвинутся шире,
Мир, запертый в тесной квартире,
Вдруг станет просторен и чист —
Когда в декабре обветшалом
Лучистым фонариком алым
Невзрачный украсится лист.

Когда на холодном окне
В белёсой пустыне бесплодной
Цветок оживёт благородный,
В морозы желанный вдвойне —
Судьбы ненадёжные звенья,
Рассыплются наши мгновенья
И тень пробежит по стене.

Когда «декабрист» зацветёт
Над тёмным и гулким колодцем,
Наш маятник резко качнётся,
Сметая костяшки со счёта.
И всё повторится: метели,
Печаль Рождества и веселье,
И – к новой весне поворот.

«Звучат шаги размеренно и чётко...»

Звучат шаги размеренно и чётко,
В неверном свете редких фонарей
Дрожат ограды кованые чётки
И ветка, наклонённая над ней.

Лишь хлопнет дверь, и снова только эхо
Невидимым конвоем за спиной
Да еле слышный отголосок смеха
Там, на мосту, над чёрной глубиной.

И плавится в ночном канале город,
Изнемогая от дождей и смут...
Объятия Казанского собора
Ещё распахнуты, ещё кого-то ждут.

«Чай с вишнёвым вареньем – о Господи, счастье какое...»

Чай с вишнёвым вареньем – о Господи, счастье какое! —
Розовеет окно за дремотными складками штор,
Добродушнейший чайник лучится теплом и покоем,
Тихо звякает ложечка о мелодичный фарфор.

Чай с вишнёвым вареньем – о Господи, хоть на минуту
Задержи, не стирай эту комнату, штору, окно —
Неизведанный мир, детский образ чужого уюта,
Недосмотренный сон, дуновение жизни иной.

Гренадёрский мост

Спешит прохожий запоздалый,
Звенит задумчивый трамвай,
Волна баюкает устало
Луны подмокший каравай.

Дома, прищурясь близоруко,
Сберечь пытаются тепло,
Слезится в бесполезной муке
Часов разбитое стекло.

А мне, шепча чужое имя,
Брести сквозь зябкий неуют,
Пока душа навек не примет,
Как боль последнюю свою,

Глухую песню стен кирпичных,
Посеребрённую луной,
И минареты труб фабричных
Над Выборгскою стороной.

«Меж домами пространство сгущается, словно смола...»

Меж домами пространство сгущается, словно смола,
Покрываясь ледком в предвесенние звонкие ночи.
Вот в проулке луна желтоватую лампу зажгла
И тревожащим светом пугливых прохожих морочит.

Написав пару глупостей на терпеливом листе,
Я к стеклу прижимаюсь лицом и далёко, далёко
За морозными окнами вижу бескрайнюю степь
И всё той же луны желтоватое, круглое око.

И матёрый бирюк³, обманувший судьбу в сотый раз,

³ Бирюк – волк, живущий вне стаи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.